

КРУГОСВЕТНАЯ ЖИЗНЬ

УЧЕНЫЙ, ПОЭТ, БАРД АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ ВЫПУСТИЛ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ «АТЛАНТЫ ДЕРЖАТ НЕБО». 34 СЕРИИ РАССКАЗЫВАЮТ О ГЕОФИЗИКЕ, ВЛЮБЛЕННОМ В ЖИЗНЬ. МЫ ВЫБРАЛИ ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО ЧАСТЕЙ ИЗ ЕГО БОЛЬШОГО МОНОЛОГА

Я провел довольно долгую жизнь, большая часть которой прошла в экспедициях и разъездах. Мне пришлось 17 лет отработать на Крайнем Севере, более 35 лет — в плаваниях по морям и океанам, я был на Северном полюсе и в Антарктиде, несколько раз обогнул весь земной шар, как по работе, так и с концертами. Но каждый раз я возвращался в родной Питер, как в единственный дом, откуда, собственно, и начался мой путь.

ДВЕ ДОРОГИ Геологией я начал заниматься так же случайно, как и стихами. В принципе, я всегда мечтал изучать историю, но на дворе стоял 51-й год, на истфак в Ленинградский университет, носивший имя Жданова, мне с пятым пунктом вход был воспрещен. Я никогда не ходил в кружки геологии, не увлекался минералогией, химией и когда пошел в горный, то выбирал не специальность, о которой я понятия не имел, а образ жизни, мне казалось, что есть две мужские специальности — военного и геолога — с экспедициями, тяжелыми условиями, приключениями. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: не последнюю роль сыграло то, что здесь тоже была форма, и очень красивая.

Я подал документы в Горный институт на самый модный геологоразведочный факультет, куда меня с золотой медалью взяли без экзаменов. Но тут оказалось другое препятствие: для того чтобы тебя зачислили, почему-то надо было прыгнуть в воду с трехметровой вышки. Какой идиот это придумал — неизвестно. Тем не менее закон един, и нас всех повезли на Гребной канал. Плавать я не умел и, более того, вообще боялся всякой глубокой воды. Правда, будучи воспитанным под барабан молодым человеком, в глубине души был уверен, что в советской стране мне погибнуть не дадут. Когда выкрикнули «Александр Городницкий», я, дрожа от холода и больше от страха, лиловый, как баклажан, забрался на вышку и стал на доску и, когда посмотрел вниз, на эту грязную серую воду, понял: прыгать ни за что не буду. Но когда я повернулся, чтобы с позором уйти, доска спружинила, и я упал. Так мне засчитали прыжок, я стал геологом.

По поводу нашей профессуры ходила масса легенд. Одна из самых замечательных говорила о том, что еще в дореволюционное время академик Герман, будучи студентом Горного института, стрелял с другим студентом, и не с кем-нибудь, а со знаменитым бароном Врангелем. Еще мне запомнились многие крылатые изречения наших профессоров, например члена-корреспондента Татаринова, который преподавал у нас полезные ископаемые и не любил геофизику, а я ее всю жизнь изучал. Он говорил, что геофизика подобна мини-юбке: позволяет уви-

деть массу интересного, скрывая, между этим, главный источник информации.

В 52-м году в институте организовали отдельный геофизический факультет, и там под флером секретности начался набор на совсекретную специальность на поиски урана. Мы мало что знали про уран, знали только, что это «Севмаш», которым рулит сталинский нарком Берия, такая «притягательная личность». На новом факультете была более высокая стипендия, какие-то льготы, и, естественно, все мальчишки туда записались. Мы мало что знали о действии радиоактивных веществ, но тут же пошли слухи о том, что они дурно действуют на мужчин, но поскольку нам было по 18–20 лет, то мы относились к этому с большим юмором, казалось, нас ничем не возьмешь.

В РАЗВЕДКЕ В 1957-м, окончив геофизический факультет Ленинградского горного института, я попал на работу в Институт геологии Арктики. Тогда он относился непосредственно к Военно-морскому флоту, поэтому его сотрудники щеголяли в морской форме с нашивками капитанов первого и второго рангов и в фуражках с пльвущими крабами. Одним из наиболее ярких ученых, которого я застал еще живым, был Николай Николаевич Урванцев. После того как он открыл в 21-м году месторождение (медно-никелевых руд с высоким содержанием платины. — «О»), его по ложному доносу посадили, и он в качестве эка вкалывал на собственном месторождении, открытом им для своей страны, почти полтора десятка лет.

Когда я отправился на поиски медно-никелевых руд, мне сразу сказали, что геофизики здесь не нужны. Бери молоток, компас, карту и — вперед. Так что я занимался, как все геологи, съемкой. Перемещались мы в основном с помощью оленей на нартах, даже летом. Помогали нам каюры-эвенки, дети тайги и тундры. Вот едешь на нартах, сидит впереди Мишка Давендук и вроде поет о чем-то. Я говорю: «О чем поешь, Мишка?» Он говорит: «Ну

«Крузенштерн» после войны стоял в Ленинграде. В детстве Городницкий приходил смотреть на парусник и даже не смел думать, что сам будет на нем штурмовать Атлантику

как, о чем пою, вон сосна, вон лес...» Потом какие-то другие нотки в песне, я говорю: «Что, опять лес?» А он: «Совсем глупый ты, однако... Какой лес? Видишь, вон, за лесом дым показался — чум скоро. Это я о доме уже пою». Вот я так всю жизнь пытаюсь петь только о том, что мимо меня едет и что я реально вижу. Когда спрашивают, у кого я учился писать песни, я говорю, что у эвенков.

Когда попал в Игарку, помню, что вид этого города меня поразил — огромный

лесной порт, лесная биржа. Лес сплавлялся по Енисею и прямо здесь перегружался на иностранные суда. Весь город был построен из дерева. Нищие барачные постройки, белое бесцветное небо, итальянские, греческие, французские пароходы, которые заходили в устье Енисея и дымили, стоя на рейде, бесконечная тундра вокруг — это сочетание было абсолютно экзотическим, вызывало в памяти рассказы Киплинга, Джека Лондо-

сторожевые вышки, прогнившие бараки, а по весне на место, где стояли палатки нашей партии, всегда вымывало кости и черепа, мимо нас по реке плыли трупы людей, которых просто хоронили в песчаном берегу. И вот тогда, как подражание песням заключенных, были написаны несколько песен. В том числе и песня «Перелетные ангелы», посвященная памяти людей, погибших в черных потемках сталинского застеня.

ли человек пятьдесят заключенных. На День шахтера им завезли спирт, а самый главный их предводитель положил глаз на нашу корректоршу Нину. Я проснулся в палатке от того, что тарыхтит трактор. Было холодно, я вышел в предутренних сумерках. Увидев меня с карабином, местный Федя слез с трактора и закричал: «Ну, ты, сука, не балуй! Мы тебя сейчас враз порешим, а девку все равно возьмем». Они пошли прямо на меня,

МОРЕ НАВСЕГДА Для каждого моряка его первое в жизни судно незабываемо, как первая любовь. Вот для меня таким судном стало судно «Крузенштерн», огромный парусник, один из самых больших в мире, на трап которого я поднялся 45 лет назад в заметном декабрьской вьюгой Балтийске. С этого момента начались мои океанские плавания. Мне довелось плавать во всех океанах, даже купаться во всех океанах, в том числе

Выпускники Горного института отправлялись искать полезные ископаемые, как правило, — далеко на север

Перед экспедицией геологи получали цигейковую куртку, спальный мешок и карабин

Первой экзотикой, с которой сталкивались «поисковики», были бесконечные зоны

на. Естественно, сама собой появилась тогда песня «Деревянные города», потому что меня поразило, что даже мостовые здесь настланы из досок и были подогнаны здесь тщательно, как половицы...

57-й год ознаменовался моим первым знакомством с авиацией — до этого времени просто никогда ни на чем летать не приходилось. Это была замечательная «Аннушка», знаменитый биплан АН-2. Тогда меня из Игарки, перебрасывали в распоряжение партии. Аэропорт был расположен на острове Полярный посреди Енисея. Вспоминаю до сих пор, когда «Аннушка» взлетела и стала валиться на правое крыло, делая вираж над аэродромом, и мне больно придавило ногу каким-то вьючным ящиком, повалились седла, геологическое снаряжение, а в маленьком иллюминаторе замелькали зеленые полосы леса, тундры, ослепительно вспыхнувшая на солнце полоса протоки и стоящие посреди нее лесовозы, я впервые ощутил истинное счастье, я понял, что наконец мои мальчишеские мечты осуществились, вот я — настоящий мужчина, еду осваивать тайгу, обряженный в штормовку и резиновые сапоги.

В 59-м году база нашей экспедиции помещалась в поселке Курейково в левобережье Енисея. Тогда это был огромный мемориальный комплекс — в начале прошлого века здесь находился в ссылке товарищ Сталин. По легенде, молодой грузин «испортил» несколько местных девушек, и мужики решили его утопить в какой-то проруби, но был сильный мороз, прорубь была далеко, они его связали и бросили посередине Енисея — авось и так замерзнет... Так что беда русского народа состоит, помимо всего прочего, еще и в том, что он никогда ни одно серьезное дело не может довести до конца. А я в экспедициях повсюду видел следы деятельности этого «великого» человека — остатки зон, колючую проволоку,

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И ГЕОЛОГИЯ Я познакомился с двумя замечательными геологами: Михаилом Ивановым и Станиславом Погребницким. Стасик Погребницкий был удивительно талантливым человеком. Именно он дал мне главный принцип работы: в науке лучше работать под заведомо ложную модель, чем вообще под никакую. Это совершенно правильно. Однажды вечером после маршрута мы выпивали спирт, и я стал читать свои стихи, и Стасик мне сказал: «Знаешь что, Саня, бросай ты эту геологию! Все равно как геолог ты всегда будешь дерьмо». Я очень обиделся, так как мечтал все-таки о науке, о славе и спросил, почему он так решил. Он говорит: «Да потому что стихи у тебя хорошие. А два дела одновременно человек делать не может». В далеком 60-м году он полетел, чтобы организовать поисково-разведочные работы по реке Северной. Станислав Погребницкий, нарушив правила техники безопасности, пошел вниз по течению реки один на резиновой лодке. Что случилось, я не знаю. Я прилетел в Туруханск второго числа, его уже искали вертолеты, не нашли. В память о нем написана песня «Перекачать». После этого мне часто приходилось встречаться с гибелью моих друзей в экспедициях, но никогда я так трагично это не переживал, как в том, 60-м.

Надо сказать, что к вопросам жизни и смерти в экспедициях, особенно на Крайнем Севере, относились довольно просто. За те годы, когда я работал в Туруханском крае, в Игарке, в Норильске, пару раз случалось, что пытались убить меня. Один раз на реке Калюк наш работник Ахмет из расконвоированных заключенных, из блатарей приревновал к своей подруге. Но самое страшное было, когда мне пришлось стрелять в людей с целью убить. В 62-м году недалеко от нас была огромная буровая партия, где работа-

человек десять, вразвалочку, абсолютно не боясь. И вдруг, неожиданно успокоившись, вспомнив уроки военного дела, я поставил планку прицела на 100 метров и, затаив дыхание, прицелился прямо в голову Федю и плавно нажал спуск. Раздался выстрел. Федя упал. Я даже сначала подумал, что убил его. Но выстрелом ему просто оцарапало голову и сбило шапку, я его не убил — Бог не довел до этого.

Общаясь с нашими работягами под впечатлением песен, которые они пели, я написал несколько своих, в том числе одну стилизацию под песни заключенных «От злой тоски не матерись, сегодня ты от спирта пьян...». У нее довольно своеобразная история. Песня была написана в 60-м году в Туруханском крае, а уже в 61-м году наши работяги на чей-то день рождения пели свои песни и спели мою

и в Ледовитом, правда, не по своей воле, работать на самых разных судах: гражданских, военных, много раз погружаться на дно Мирового океана в подводных обитаемых аппаратах, но память об этом судне осталась у меня на всю жизнь...

У нас был замечательный командир, капитан первого ранга Власов Павел Васильевич. Он был храбрый, совершенно отчаянный капитан. Мы с ним много раз в тропиках стояли вместе на вахте. И он как-то попросил, чтобы я обучал его английскому языку. Надо сказать, что он был человек решительный и хорошо знал русский язык, неформальную лексику тоже, но английские слова от него отскакивали, как горох от стенки. Правда, одно слово он запомнил — это было слово about. Будучи человеком умным, он это единственное слово употреблял по делу. Вот, например, приходят в Ка-

Я всю жизнь пытаюсь петь только о том, что мимо меня едет и что я реально вижу. Когда спрашивают, у кого я учился писать песни, я говорю, что у эвенков

как «народную». Дальше она обростала разного рода легендами. Например, в передаче Эдуарда Успенского «В нашу гавань заходили корабли...» было сказано, что безвестный автор сгинул в сталинских лагерях. Также мне рассказывали, что он похоронен в лагерях под Норильском, с ними спорили другие, которые утверждали, что он похоронен на Колыме. А в 84-м году на Кольском полуострове мне, наконец, показали могилу автора этой песни.

наде офицеры канадские и спрашивают: «Время вашего путешествия в океане about 4 months» Тот кивает: «About». И все в порядке. Он говорил: «Сань, а в этом слове что-то родное звучит». Надо сказать, что употреблял он его с ударением на твердом «Е»...

С этого судна впервые в Советском Союзе была проведена магнитная съемка с буксируемым датчиком, и ваш покорный слуга как раз это выполнял. Дело в том, что магнитное поле океана изучали раньше только с немагнитных судов, а вот картирование Мирового океана началось с того, что буксировали гондолу за магнитным судном. Таким магнитным судном было судно «Крузенштерн» со стальным корпусом. У меня в статье, ко-

дня он собрал всю нашу советскую делегацию и сказал: «Всем завтра идти смотреть гениального художника Модильяни, вот, Городницкий очень советует».

Позже с концертами я бывал во многих странах — Франции, Израиле, Америке, Канаде, Германии. Здесь я всегда вспоминаю историю моего знакомства с замечательным человеком правозащитником и писателем Львом Зиновьевичем Копелевым. Он, будучи в рядах действующей ар-

зеландский порт Веллингтон. Там у нас произошла неприятность — полетел байлер руля, мы не могли выйти в океан и стояли около двух недель. Тогда я познакомился с новозеландской женщиной Джуди Холвэй, которая, насколько я понимаю, тогда была коммунисткой достаточно левых убеждений. Это была очень красивая женщина, ей было лет сорок. Она отличалась от наших женщин, знаете, как дикие животные отличают-

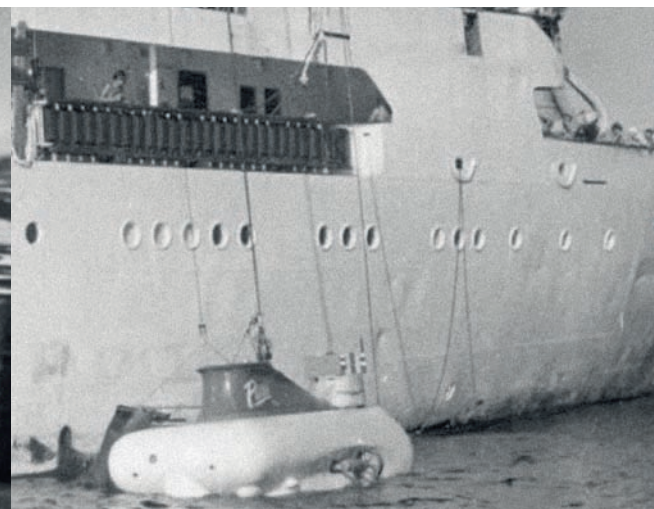
обитаемых аппаратах, начиная еще со старого «Байсиса» и кончая современными аппаратами «Мир», на которых мне посчастливилось опускаться на достаточно большие глубины — в четыре с половиной километра в Северной Атлантике. Я изучал геологию океанского дна, вместе с другими учеными участвовал в создании новой теории литосферных плит, которая совершила революцию в науках о Земле. Защитил докторскую диссертацию

В море дистанция от ученого до матроса невелика

Джуди Холвэй увидела Городницкого в новозеландском порту и влюбилась с первого взгляда

Александр Городницкий спускался на подводных аппаратах на дно океанов. И каждый раз всплывал с новой песней

торая недавно вышла, есть первый советский график магнитного поля с нашего отечественного судна, снятый в 62-м году. Было много и других важных научных открытий: и структура поля течений, и соленость, и температура воды, особенно в Гольфстриме, и многое-многое другое.

Когда я где-то плавал в очередной экспедиции, моя песня «Атланты», независимо от меня, заняла первое место на конкурсе лучших песен для советской молодежи. И в 68-м году ЦК комсомола решил меня направить в составе творческой группы при сборной СССР на зимнюю Олимпиаду в Гренобль. Руководителем нашей делегации был печально известный впоследствии член ГКЧП, вице-президент СССР Геннадий Иванович Янаев. Я не знаю, что там было в период путча, но тогда это был нормальный совершенно человек, но дико пьющий. В Гренобле была огромная выставка замечательного художника Модильяни, а я как раз очень увлекался и Ахматовой, и Модильяни, и всей этой историей. Помню, что в музее выпивший Янаев сказал: «О, буржуазное искусство! Косые рыла малюют и ничего хорошего». Меня как обожгло, и хоть я всегда по натуре был человек трусливый и понимал, что могу из этой делегации моментально вылететь, вдруг начал говорить: «Вы, комсомольские дураки! Это великий художник! Великий!» И полчаса держал площадку по поводу гениального художника Модильяни, рассказывал историю романа с Анной Ахматовой. Янаев слушал вполуха, но когда узнал, что Модильяни выпивал и в итоге спился, то сказал: «Саня, это же наш человек! Спoили сволочи-буржуи гениального художника!» Вечером того же

мий в 44-м году, стал свидетелем жестоких расправ нашей армии над мирным немецким населением и, будучи коммунистом, размахивая партбилетом и наганом, пытался предотвратить массовое насилие, за что и был посажен на всю катушку. Таким образом, он из правоверного коммуниста раз и навсегда превратился в диссидента.

Помню, как в Москве, когда его выдворили из Советского Союза вместе с женой Раисой Орловой, я пришел к нему на проводы в дом писателей на «Аэропорте». Весь дом был обложен гзбэшниками, и я, будучи трусливым советским служащим, сомневался, надо ли мне туда идти — закроют визу, и я не смогу плавать, не смогу работать в океане. Тем не менее пошел. Он сидел перед камерой британского ВВС и, увидев меня, закричал: «Саня, иди сюда, давай споем!» И запел «Бригантину», обняв меня одной рукой. Я тоже стал подпевать и тут, скосив глаз налево, увидел, что в левой руке он держит подожженный советский паспорт. Ну, думаю, все! Спекся... Так мы с ним расстались в Советском Союзе. Через много лет, в 1997 году, когда я попал в Германию с концертами, то приехал к нему в гости в Кельн. Он был почетным гражданином Германии, личным другом замечательного писателя Генриха Бёлля. К великому сожалению, в этом же году его не стало. Летом он заболел тяжелой формой гриппа и умер от осложнения на сердце. Самое грустное, что этим же гриппом он нечаянно заразил жившего у него в ту пору в доме Булата Окуджаву. Весной 97-го года Булат Окуджава уехал во Францию, где тоже умер от осложнения этого самого гриппа. Так два замечательных человека, определивших собой целую эпоху, умерли практически от одной болезни, примерно в одно и то же время...

Хэлло, Джуди! В 74-м году наше судно «Дмитрий Менделеев» пришло в ново-

говорила то, что хотела, улыбалась, когда хотела, двигалась как-то иначе. Поскольку делать нам было нечего, она просто возила нас на пляжи на своей небольшой машине, мы там собирали раковины жемчужные, еще что-то. Ну, и подружались, а когда мы уходили в море, она так и не появилась на пирсе.

Второй раз я оказался на этой земле через 35 лет, стал искать Джуди и совершенно случайно нашел. И тут выяснилась довольно романтическая история. Оказывается, тогда она решила передать мне на память колечко и написала письмо, в котором чуть ли не предлагала остаться с ней в Новой Зеландии. Джуди долго думала, кому же его передать, и выбрала замполита нашего судна. Он ни кольца, ни письма мне не отдал, но поступил как порядочный человек, по-

цию на эту тему. Вообще в нашем институте за эти годы было совершено немало открытий во многих других областях, потому что Мировой океан можно изучать только комплексно, как единое живое существо. Например, биологи наши, вслед за американцами, опять же на глубоководных обитаемых аппаратах открыли новую форму. Эти гигантские черви живут на больших глубинах и им, в отличие от всего на Земле, не нужен кислород, так что когда-нибудь может возникнуть новая цивилизация.

А спустя 35 лет я снова оказался здесь, в Новой Зеландии. Сейчас зима, и южный ветер щеки студит, а на сердце тепло — как я пою в песне, посвященной Джуди. У меня от этого общения, которое сейчас уже стало сугубо платоническим, осталась теплота на сердце, которую я сохранил весь недолгий остаток моей жизни

Когда Янаев узнал, что Модильяни выпивал и в итоге спился, то сказал: «Саня, это же наш человек! Спoили сволочи-буржуи гениального художника!»

тому что не написал донос. Спустя 35 лет Джуди рассказывала, что влюбилась и не понимала, почему ей не отвечают. Она ждала, ждала и когда брала в руки подаренную русским ученым книжку стихов, всегда пыталась представить, где он, что делает.

Что я делал? Я вернулся на судне в родной Владивосток, потом — в Москву. Много лет участвовал в экспедициях в самые разные районы Мирового океана. Неоднократно погружался на подводных

ни. Кстати, Джуди мне рассказала довольно забавную историю, о которой я ничего не знал. После того как она встретила с нашим замполитом и передала ему подарки для меня, он ей тоже вручил памятный подарок — как будто бы от меня. Это был портрет Владимира Ильича Ленина, который наряду с моей маленькой книжкой стихов она бережно хранила все эти годы. ■■

Материал подготовила Елена Кудрявцева